

## ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию

**АНДРЕЕВА АЛЕКСАНДРА**

на тему «Книжная справа ирмология в Москве в XVII веке»

(Санкт-Петербург, 2019. 323 с. с приложением [+ 113 с.]),

представленную на соискание ученой степени

кандидата теологии

по специальности 26.00.01 – Теология

В диссертации Александра Андреева исследуются вопросы, связанные с глубокими изменениями в богослужебной практике, которые отразились в книжной (т. наз. никоновской) справе богослужебных книг XVII в. Диссертация состоит из введения (14 с.), трех исследовательских глав (262 с.) и заключения (6 с.), списков сокращений, цитированных рукописных (больше 20 греческих и 70 славянских) и старопечатных (19 греческих и почти 100 славянских) источников (16 с.), списка научной литературы (21 с., более 200 номеров) и приложения, где приводятся порядок ирмосов в исследуемых рукописях (ркп.) для выбранных песен (24 с.), славянский и греческий тексты выбранных ирмосов в различных редакциях (72 с.) и инципитарий ирмосов (16 с.).

Отзыв написан на основе первого тома, т.е. не принимается во внимание английский перевод (том II). (Хочется все же указать на то, что в данном случае английский перевод является совершенно излишним, потому что все специалисты, занимающиеся этим вопросом, обязательно владеют русским языком.)

Первая глава описывает «внешние» особенности (т.е. состав и структуру) ирмология в XVII в., обращая при этом специальное внимание на печатный ирмологий 1657 г. (в дальнейшем И57). Во второй главе автор сосредоточивается на И57 и предшествующие корректурные экземпляры, т. наз. «кавычные» книги (ГИМ Син. 762: черновая (а) и беловая (б) копии), привлекая многочисленные другие ркп. и старопечатные издания для

6x 09/2 - 265 от 14.06.19

сравнения. Третья глава посвящена подробному анализу изменений в утрени, зафиксированных в И57.

Вступительная глава посвящена вопросам ирмологии как богослужебной книги в православной (прежде всего греческой/византийской и славянской, маргинально и грузинской) традиции и сравнительному анализу формальных особенностей, т.е. состава и порядка ирмосов. Как и в следующих главах автор представляет в начале подробный обзор научной разработки тематики. Указывая на масштабные публикации Кошмидера, Велимировича, Ханника и др. в области «ирмологоведения» и фон Гарднера, Бражникова, Успенского и др. о развитии церковного пения в России и о «ключевом» XVII в. с «никоновской» книжной справой (автор всегда употребляет выражение «никоновская» в кавычках), он считает, что первая группа почти исключительно сосредоточивается на начальном, дореформенном периоде существования ирмологии у славян и пренебрегает дальнейшим развитием, а что вторая не обращает должного внимания на греческие источники, лежащие в основе книжной справы, и на процесс этой справы. Это на самом деле так, но первый «недостаток» можно объяснить: с филологической точки зрения концентрация на начальном периоде понятна, потому что она необходима для описания дальнейшего развития (сам автор пользуется результатами филологов, т.е. изданиями, в своей работе). Для православной теологии перелом в XVII в. является более важным, чем отношение к греческому тексту, потому что этот перелом в общих чертах определяет форму богослужения до сегодняшнего дня.

Автор указывает на главные причины возникновения необходимости книжной справы, а именно «кризис церковного пения» (с. 23-28, может быть, было бы точнее говорить о «кризисе богослужебной практики»), выражающийся в хомонии и в многогласии, из-за которых тексты стали почти непонятными. (Кажется, что «порча» текстов, часто выдвигаемая как главная причина для справы, не была решающим фактором.) Кроме того книгопечатание изменило письменную традицию коренным образом: если в

эпохи ркп. контроль над текстами был ограниченным, то с введением книгопечатания и его концентрацией в России (Московский печатный двор) церковь впервые получила возможность провести основательную текстовую реформу. Автор очень убедительно описывает исходное положение и процесс книжной справы на основе внушительного числа источников (ркп., «кавычные» книги, печатные издания). Он доказывает, что греческими источниками для справы ирмология служили не афонские ркп. (Арсений Суханов не привез ни одного ирмология с Афона, с. 33), не вообще старшая византийская традиция, а венецианские печатные издания XVI/XVII в. Насчет славянской традиции автор показывает, что вопреки многочисленным утверждениям в научной литературе югозападнорусские книги не употреблялись при исправлении ирмология (с. 42). Сам процесс справы, приведшей к тексту И57, автор реконструирует на основе трех версий текста: беловой и черновой копии (ГИМ Син 762) и И57 и доказывает, что была проведена еще последняя, типографская справа (с. 48). Различные версии текста ирмология сравниваются в многочисленных таблицах в тексте и в приложениях. (Автор говорит о 72 табл. в приложении, ср. с. 54, однако там их только 28, потому что не все песни представлены в табл. Отсутствие не понятно, потому что табл. скорее всего существовали целиком: на с. 57 автор ссылается на седьмую и девятую песни первого гласа, для которых нет табл. в приложении). Работа автора при составлении табл. осложнялось тем, что греческие ирмологии как правило следуют канонному порядку (KnO по терминологии Кошмидера [не KaO, как пишет автор, с. 21 и далее]), а не песенному (OdO).

Сравнение не ограничивается И57: автор привлекает и следующие печатные издания ирмология (1673, 1687 и 1748 гг., ср. с. 55, 79-86). Книжная справа ирмология не ограничивалась этой книгой, потому что И57 послужил источником для исправления других книг, напр. постной триоди 1663 г. и минеи (с. 84).

Если первая глава осталась, так сказать, на филологической поверхности, то вторая посвящена именно филологическим деталям. Начинается она, как и первая, обзором литературы и различных мнений и теорий, почему и как сильно испорчены ирмосы. Для решения таких и подобных вопросов автор сравнивает текст И57 как первого примера книжной справы с внушительным числом рукописей и старопечатных изданий ирмологии греческой традиции (9 рукописей типа KnO, 2 рукописи OdO и старопечатное издание 1584 г.) и славянской (15 рукописей из издания Ханника, 3 рукописи из изданий Кошмидера и Якобсона), а также других старопечатных славянских богослужебных книг (больше 30, см. список изданий, маркированных сиглами на с. 297-299). Как уже заметил Ханник много лет назад, славянская дореформенная традиция ирмологии отличается якобы «удивительным» отсутствием существенных разнотечений. Возможно, что причиной является факт, что речь идет о музыкальных рукописях, в которых нотация является консервирующим элементом и приводит к более прочному сохранению текста. Такое предположение объяснило бы, почему печатные (ненотированные) издания текстуально отличаются от нотированных рукописных. Впрочем, к этому существует аналогия в более современном музыкальном жанре: известно, что в опере текст (ненотированного) либретто тоже отличается от текста партитуры.) Между дореформенной традицией и И57 разница очень большая почти на всех языковых уровнях, и в общем можно сказать, что новый текст является более понятным, потому что устранились многочисленные ошибки переводчиков и переписчиков. Все же в некоторых случаях старый перевод соответствует греческому тексту старшей рукописной традиции и оба отличаются от текста венецианских изданий (с. 125). Поэтому можно сказать, что употребление венецианских изданий при справе не было идеальным, но все же понятным решением, потому что изготовление критического греческого текста ирмология как надежной основы для нового перевода не было реалистичной альтернативой. Автор констатирует, что в итоге справы «справщики создали совершенно

новую богослужебную книгу» (с. 152), и поэтому неудивительно, что именно книжная справа была одной из причин для церковного раскола XVII в.

Третья глава не исключительно «ирмологоведческая», потому что исследует, как изменения в И57, а здесь в обиходной части, отражают реформу утрени. Здесь автор привлекает кроме ирмологии большое число других текстов, которые употребляются в утрени или регулируют ее (триодь, минея, трефолой, октоих, требник, служебник). Конкретно автор исследует изменения в случае «непорочных» и полиелея, избранных псалмов и величаний, библейских песен, канона будних дней Великого поста, катафасий и «Достойно есть». Специальное внимание отделяет библейским песням, где в результате развития появился парадокс (с. 236), что во время Великого поста библейские песни рецитировались в более ограниченном размере в сравнение с богослужением в обычное время года. Этот парадокс решался по-разному в славянской и греческой традициях. Интересно, что И57 здесь предлагает компромисс (или сочетание двух традиций), а не решает вопрос в пользу одной из традиций. Насчет дальнейшего развития автор констатирует, что не все нововведения И57 прижились в позднейшей богослужебной практике. Они должны были соответствовать принципу «пастырской необходимости» (с. 280): наиболее прочные элементы традиции сохранились вопреки требованиям реформы, а изменения, соответствующие общему стремлению к сокращению богослужения (во избежании многогласия), воспринимались.

Заключение подводит итоги исследования и указывает на то, что И57 является текстом исключительной важности не только для истории ирмологии, а также для истории книжной справы XVII в. в целом. Таким образом, диссертация автора может служить отправной точкой для дальнейших исследований ирмологии, других жанров богослужебных книг, а также истории книжной справы и ее последствий.

Приложение указывает в первой части на тексты, употребляемые в диссертации. Это рукописные и старопечатные издания (греческие и славянские), а

также научная литература. В данном случае не всегда легко отделить ркп. от старопечатных изданий, а именно в случае корректурных (или «кавычных») книг. Они находятся частично в отделении ркп. (№№ 88, 92, 93), частично между старопечатными изданиями (№№ 39, 53, 68). На неполноту табл. ирмосов было уже указано выше. Издание текстов избранных ирмосов в различных редакциях (с. 349-420) является очень ценным, особенно потому, что дореформенный текст печатается с нотацией. К сожалению, в тексте диссертации нет указаний на эти тексты. Подобный недостаток уменьшает и ценность инципитария: здесь не указано, где данный ирмос анализируется в диссертации.

В диссертации автор описывает И57 самым исчерпывающим образом и ставит свой анализ в широкий контекст. К сожалению, он пренебрегает одним аспектом, а именно музыковедческим. Правда, И57 является ненотированной книгой, но ирмологий, даже ненотированный, всегда включает в себе музыкальную сторону, потому что изменения в тексте часто влияют и на певческое исполнение. Желательно, чтобы в дальнейших исследованиях ирмология включалася и музыковедческий аспект.

В заключение отзыва можно сказать, что автор хорошо справился со сложной задачей, которое требует углубленных знаний в многих областях, от кодикологии, текстологии, филологии до литургики и истории церкви в славянской и греческой традициях. Впечатляют ясная структура диссертации, умелое и критическое использование научной литературы по тематике, хорошее знание греческого и славянского языков, глубокое знакомство с литургическими практиками, тщательный анализ обширного материала из многочисленных различных источников и убедительная презентация.

Сказанное позволяет сделать следующий вывод:

Диссертация Андреева Александра на тему: «Книжная справа ирмология в Москве в XVII веке» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения

ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Андреев Александр заслуживает присуждения ученой степени кандидата теологии по специальности 26.00.01 — Теология. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета:

Доктор филологических наук, профессор;  
заведующий кафедрой славянской филологии  
Университета земли Саар в Саарбрюккене



12.06.2019

Марти Роланд Вальтер

Roland Marti  
Campus A 4 1, Z. 1.30  
Universität des Saarlandes  
D-66123 Saarbrücken  
тел. + 49 681 302 3771  
rwmslav@mx.uni-saarland.de

Roland Marti  
Slavistik  
Universität des Saarlandes  
Campus A 4 1  
D-66123 Saarbrücken

Аутентичность подписи Роланда Вальтера Марти подтверждается:

Ученый секретарь:

P. Moll  
П. Молл

